

Служить подле наследного принца, разумеется, было куда перспективнее, чем возле заброшенной наложницы из Холодного дворца, так что недостатка в евнухах, из кожи вон лезших ради перевода, не было. Притворяться, будто евнух-мастер и есть тот самый бедолага, уступивший свое место, не привлекало ничьего внимания.

Проснувшись после полуденного сна, наследный принц открыл глаза и увидел, что рядом с ним лежит жена и глуповато-трогательно смотрит на него.

В то мгновение, когда их взгляды встретились, наследная принцесса вспыхнула и опустила глаза, а затем поднялась, собираясь помочь мужу одеться.

Когда она вставала, ее одежда растрепалась: блузка задралась над поясом, а передние полы распахнулись и соскользнули, приоткрывая соблазнительную тень пышной груди чуть ниже ключиц.

От этого мимолетного вида у едва проснувшегося наследного принца в глазах блеснул темный властный огонек.

Наследная принцесса поспешно поправила ворот, опасаясь, что ее непристойный вид подтолкнет мужа к дневным утехам.

Женщина, воспитанная на «Четырех книгах для женщин», привыкла винить во всем лишь себя: если у мужа среди бела дня возникали грешные мысли, то причина кроется исключительно в ее собственной нескромности.

Ей достался муж, у которого не найдешь ни единого изъяна: и внешность, и благородная осанка, и изысканная речь заставляли ее чувствовать, будто ей невероятно повезло.

Она до смерти боялась оступиться и стать еще более недостойной его, а потому в обычной жизни каждое движение наследной принцессы отличалось чрезмерной, скованной чинностью.

Подобная чинность способна охладить любой пыл.

Вот только молодому мужчине в расцвете сил подобный способ сбивать пламя совсем не по душе.

Выросший в императорском дворце, Лу Цзиньань давно пресытился такими правильными и послушными девицами, и именно поэтому в его отношении к жене жалость всегда преобладала над любовью.

Рядом с ним супруга вела себя настолько зажато, неуклюже и манерно, словно на нее в любой момент смотрела целая армия.

Каждый вечер, перед тем как зайти за полог кровати, наследная принцесса сначала приказывала служанкам потушить светильники и лишь потом снимала нательную одежду...

За три года брака Лу Цзиньань так и не видел, как она выглядит без одежды; ему приходилось собирать воедино образ супруги исключительно на ощупь и с помощью фантазии.

Пусть он и был принцем, в юности Лу Цзиньань тоже не прочь был тайком полистать эротические картинки и развратные повествования, и его представления о любовных утехам совсем не походили на то, что он имел сейчас.

Ему совсем не хотелось видеть рядом женщину, которая во время страстных ласк скорее искушает себе губы в кровь и издерет простыни, чем осмелится подать голос.

Но браки заключаются по воле родителей и сватов, и раз уж он женился на ней, то обязан был принимать ее характер.

Пусть же его юношеские мечты о женщинах так и останутся не более чем фантазией.

Наследная принцесса тихо и осторожно помогла мужу застегнуть пояс.

Расправляя воротник его одеяний, она опустила взгляд на подбородок наследного принца и тихо произнесла:

— В последние два года благодаря щедрым дарам Матушки-Императрицы у меня накопилось немало ценностей, которые мне некуда тратить. Я обменяла их на денежные билеты. Строительство пробных зернохранилищ Вашего Высочества требует немалых средств, так пусть мои скромные сбережения послужат доброму делу — будет и мой небольшой вклад в помощь простому народу...

Договорив, она достала из рукава мешочек, завязанный намертво узлом, и, низко склонив голову, протянула его Лу Цзиньаню. Она не смела встретиться взглядом с мужем, словно боясь, что тот посчитает ее подарок скупым.

Лу Цзиньань сперва хотел строго отказаться, но кроткая глупость жены вызвала у него легкий смех. Опустив взгляд на мешочек, он заметил тугой узел.

Зная свою супругу, он догадался, что внутри лежит нечто, о чем она стеснялась говорить вслух.

Сгорая от любопытства, Лу Цзиньань взял мешочек — даже не обмолвившись, принимает ли он его — и просто разорвал мертвую петлю. Вытряхнув наружу три аккуратно сложенных денежных билета, он развернул их и тут же изменился в лице.

Наследный принц строго уставился на жену своими фениксовыми глазами:

— Откуда у тебя такие деньги?

Наследная принцесса торопливо заговорила:

— Ваша слуга за эти два года...

— Даже если бы ты два года ничего не ела, не пила и не потратила ни медяка, ты не смогла бы скопить столько серебра! — Наследный принц еле сдерживал гнев, и в его голосе больше не осталось прежней мягкости. Склонившись к жене, он требовательно спросил: — Ты тронула свое приданое?

— Нет! — испуганно воскликнула наследная принцесса, вскинув голову. — Большая часть этих денег — то, что накопилось за два года, а еще... головные украшения, что вы дарили мне прежде.

Лу Цзиньань опешил. Он взглянул на шпильки и кольца в ее волосах и понял, что все они дешевые, за исключением фарфоровой шпильки с цветами османтуса, которую он привез ей из Цзиньлина. Все украшения на ее голове выглядели до того бедно, что не тянули и на десять

лянов серебра.

— Ты продала все драгоценности, что я тебе дарил?! — потрясенно воскликнул Лу Цзиньань.

Голос наследной принцессы задрожал:

— Еще немного осталось! Драгоценностей было слишком много, я все равно ими не пользовалась. Если они просто лежат без дела, со временем тускнеют... Не лучше ли пустить их на помощь пострадавшим от бедствия людям?

— Ты... — Лу Цзиньань просто лишился слов. Закрыв глаза, он глубоко вздохнул, заставил себя успокоиться, наклонился, взял жену за руку и вложил денежные билеты обратно в ее ладонь, приказав: — Иди и выкупи все украшения обратно.

Наследная принцесса подняла на него глаза:

— Мне не нужно столько украшений.

Лу Цзиньань терпеливо попытался воззвать к ее разуму:

— Одно дело, если ты одеваешься скромно передо мной. Но если Августейший Батюшка-Император и Матушка-Императрица увидят, что ты постоянно ходишь в этой дешевке, как я буду оправдываться?

Наследная принцесса лишь хотела заложить свои украшения, чтобы поддержать мужа в проведении новых реформ. Но теперь, услышав напоминание наследного принца, она осознала: эти драгоценности были не просто ее собственностью, они служат лицом ее мужа.

Она ведь каждый день прислуживала Императрице! Рано или поздно та заметила бы скромность ее наряда и наверняка призвала бы наследного принца к ответу!

Наследная принцесса побледнела.

«Четыре книги для женщин» не учили ее, как помогать мужу в управлении государством и реформах, но она так искренне жаждала быть полезной! Все, что было в ее силах, — это всячески ужимать свои расходы и отдавать сэкономленное мужу. И надо же было совершить такую глупость! Наследная принцесса прониклась глубоким раскаянием, ее глаза покраснели, и она беспомощно уставилась на супруга.

Сердце Лу Цзиньаня вновь растаяло от этого испуганного взгляда жены.

Два года назад, когда после второго выкидыша она из последних сил поднялась с постели, чтобы встретить его во дворце, на ее лице было точно такое же выражение: «Моя вина непростительна».

— Ничего страшного не случилось, — произнес Лу Цзиньань, присаживаясь на край кровати. Он поманил жену к себе, усадил ее к себе на колени, уложил денежные билеты обратно в мешочек и вложил его ей в ладонь: — Выкупи обратно свои украшения. Сколько сможешь, столько и выкупи.

Наследная принцесса, опустя голову, тихо отозвалась, в ее голосе еще слышались слезы.

Наследный принц не умел утешать женщин. Поразмыслив немного с опущенной головой, он добавил:

— В будущем я куплю тебе еще.

Он всего лишь хотел успокоить ее, но услышав эти слова, наследная принцесса окончательно потеряла контроль над собой. Прикусив нижнюю губу, она горько заплакала.

Она считала, что не заслуживает таких заботливых попыток утешения со стороны наследного принца. Тем более она только что совершила такую глупость — ей следовало бы сносить брань, а не ласку.

В детстве, если ее мать в чем-то ошибалась, отец ради приличия сдерживался на людях, но глухой ночью из их спальни все равно доносились его суровые выговоры.

По какой-то причине Лу Цзиньань никогда не повышал на нее голос.

Женщинам нельзя давать такую волю и избалованность: стоит привыкнуть к доброте мужа, и ты уже никогда не сможешь вынести его хладнокровия.

Ей думалось: когда Цзиньань станет Императором, он посадит на свои сильные, крепкие ноги множество молодых и прекрасных девушек и точно так же ласково скажет им: «Впредь Мы купим вам еще».

Едва эта мысль пришла ей в голову, наследная принцесса зарыдала еще пуще. Она до того избаловалась, что дерзнула пустить сопلي прямо на глазах у наследного принца.

— Не плачь, Жаньжань, — Лу Цзиньань совсем растерялся, абсолютно не понимая, почему от его утешений жена плачет только сильнее.

Оказалось, быть хорошим мужем далеко не так просто, как кажется.

*

С делом о назначении евнуха-мастера Лу Цзыяо справился всего за три дня.

В списках глав евнухов Управления дворцовых дел этот евнух-мастер значился под именем Чжан Гоудань и был четвертым ребенком в семье.

Должно быть, именно в этом и кроется причина, почему сей таинственный мастер был настолько скрытен и ни за что не желал называть свое полное имя.

В оригинальном романе пятый принц всегда звал евнуха-мастера просто «Чжан Сы», и лишь перед самым отправлением во главе войска на войну единожды назвал его «Учителем».

Лу Цзыяо решил называть евнуха-мастера «старинной Чжаном». И пусть, учитывая возраст мастера, такое обращение выглядело слегка фамильярным, это все же было куда лучше, чем душевное «Гоудань».

Что касается тех четырехсот с лишним лянов серебра, которые у мастера старины Чжана выманил старый евнух, Лу Цзыяо их еще не вернул. Все-таки речь шла о дворце наследного принца, так что сквитать счета со старым мошенником придется во время следующего визита.

На помощь Лу Цзыяо мастер старина Чжан отозвался так:

— Я обязан тебе жизнью. Понадоблюсь в будущем — только позови.

У Лу Цзыяо на самом деле давным-давно был план: если наследный принц не сможет уладить проблемы в уезде Пинжун, ему придется лично отправиться туда и разузнать обстановку на месте.

В бедствующем уезде устои были суровыми, а в умах людей царили суеверия, так что если взять с собой мастера старину Чжана, действовать станет куда проще.

Что же до чумы, пока никаких признаков ее приближения не наблюдалось. Лу Цзыяо первым делом раз в три дня отправлял старину Чжана в императорский сад, чтобы тот обучил маленьких принцев базовым навыкам боевых искусств.

<http://bllate.org/book/18379/1767031>